

ФОНЕТИКО-МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ О ГРАМОТАХ НА БЕРЕСТЕ
ИЗ РАСКОПОК 1953—1954 гг.

Успешные раскопки в Новгороде в 1953—1954 гг. привели науку еще 53 грамоты на бересте; кроме того, найдена азбука (на дереве-дощечке). Хотя объем грамот незначителен и далеко не все они содержат связный, необорванный текст, эти грамоты, как и найденные ранее, представляют несомненный научный интерес.

Большинство берестяных грамот — частные письма, записки. Автор одной грамоты-письма (№ 87, по нумерации А. В. Арциховского) — духовное лицо, что, однако, не отразилось ни на лексическом составе грамоты, ни на построении фразы. Две грамоты-письма (№№ 99 и 131) написаны, по-видимому, не русским, о чем свидетельствует характер допущенных ошибок. Грамоты №№ 92 и 130 содержат запись дежонных расчетов с отдельными лицами, грамота № 94 — челобитную крестьян, № 134 — распоряжение феодала по хозяйству, № 136 — договорное обязательство крестьян. Впервые найдены две грамоты (№№ 94 и 98), адресованные известным историческим лицам, благодаря чему представляется возможным достаточно точно определить время их написания. Грамоту № 128 лишь условно можно причислить к этому жанру: на бересту переписана молитва богородице¹.

Из 53 грамот, по мнению А. В. Арциховского, к XI в. относятся восемь: №№ 84, 88, 89, 90, 109 (вторая половина XI в.), 120, 121, 123; к рубежу XI — XII вв. — одна: № 119; к XII в. — двенадцать: №№ 86, 87, 103, 105 (начало XII в.), 107, 108, 113, 114, 115, 116, 117, 118; к рубежу XII — XIII вв. — одна: № 85; к XIII в. — три: №№ 110, 111, 112; к рубежу XIII — XIV вв. — две: №№ 95, 106; к XIV в. — четырнадцать: №№ 91, 92, 93, 98, 99, 100, 101, 102, 104, 128, 131, 132, 133, 134; к рубежу XIV — XV вв. — восемь: №№ 94, 124, 125, 126, 127, 129, 130, 136; к XV в. — четыре: №№ 96, 97, 122, 135.

В отношении грамот №№ 109, 113 и 118 возникают сомнения в этой датировке, установленной на основании стратиграфических и палеографических данных. Полагаем, что грамота № 109 относится ко времени не раньше XII в., грамота № 113 — не раньше конца XIII в., грамота № 118 — к XIII в.

В настоящее время уже опубликован ряд статей, касающихся отдельных языковых особенностей некоторых грамот из раскопок 1953—1954 гг.² Мы сочли целесообразным поделиться нашими соображениями о фонетике и морфологии всех найденных во время раскопок 1953—1954 гг. грамот.

Во всех обследованных грамотах, как правило, верно употребляется **ѣ** в основе слов. Встретились редкие случаи постановки **ѣ** на месте этимологического **е**: **ѣ** чръѣтка (№ 113); **ѣ**дѣ (№ 129); **ѣ**скръѣтѣ (№ 131); **ѣ**скръѣтѣ (№ 133). Из них только два случая (**ѣ**дѣ — № 129; **ѣ**скръѣтѣ — 133) являются достоверными (**ѣ** чръѣтка — собственное имя, в других древнерусских памятниках не встречающееся; пример **ѣ**скръѣтѣ — из грамоты, написанной иностранцем). Впрочем в слове **ѣ**скръѣтѣ можно видеть графическую мену **ѣ** и **е**. Этимологически правильно употребляется **ѣ** и в именных флексиях. В одном случае находим **ѣ** вместо **е** из **ѣ** дѣтѣи мѣшѣ (№ 100). Отмечено небольшое количество случаев **е** на месте этимологического **ѣ**: и **ѣ** на **ѣ**хѣно **ѣ**но (№ 87); **ѣ** **ѣ**мѣ. (№ 92); **ѣ**мо (№ 101); **ѣ**мѣ (№ 109, 3 раза; № 131); **ѣ**мѣ (№ 131); **ѣ**мѣ. **ѣ**хѣ. (№ 109); **ѣ**мѣ: **ѣ**о **ѣ**го**ѣ**дѣ:

¹ Сохранились лишь отдельные предложения и слова. В четвертом столбце имеются только следующие оборванные строки: **ѣ**мѣ. **ѣ**мѣ. . . **ѣ**сто**ѣ**но. **ѣ**дѣмѣ. На основании новгородского пролога XII в. (см. E. Koschmieder, Die ältesten Novgoroder Hirtologien-Fragmente, Lief. 1, München, 1952, стр. 234) читаем эти строки: [ѣмѣ **ѣ**мѣ]ѣмѣ. **ѣ**сто**ѣ**но **ѣ**дѣмѣ.

² См.: А. В. Арциховский, Раскопки 1953 года в Новгороде, ВИ, 1954, № 3; его же, Раскопки 1954 года в Новгороде, ВИ, 1955, № 2; В. А. Матвеевко, Заметки о языке новгородских берестяных грамот, ВЯ, 1956, № 4; W. Kuraszkiewicz, Uwagi paleograficzne i językowe na marginesie wydania грамот nowogrodzkich pisanych na brzoazowej korze, «Kwartalnik In-tu polsko-radzieckiego», № 4 (13), Warszawa, 1955.

(№ 112¹); ко рѣкѣ (№ 134); кляти (№ 134); номцы (№ 135), из которых два — из грамоты (№ 131), написанной не русским, один — собственное имя (ко рѣкѣ — № 134); в нескольких случаях (в их числе — и из грамоты № 131) представлено слово *мынѣ* (и *мынѣ*) с этимологическим *ѣ* в заударном конечном слоге; форма *мынѣ* (с *ѣ*) встречается только в ранней (XII в.) берестяной грамоте № 9.

В семи грамотах мы находим случаи употребления *ѣ* вместо этимологического *ѣ* в именных флексиях (приводим и формы, где *ѣ* — в результате влияния твердого различия на мягкое): *ш дочки* (№ 87); *ка мынѣ* (№ 87); *на шюрни* (№ 92); *на сидоре* (№ 92); *на братѣ* (№ 92); *на флорѣ* (№ 92); *на записѣ* (№ 92); *д. елѣ* (№ 92); *на лаврѣ* (№ 92); *на сѣфарѣ* (№ 92); *на сунки* (№ 92); *на стуконцѣ* (№ 92, а на месте *ѣ*); *на линкѣ* (№ 92); *на сидорѣ* (№ 92); *къ мыкулѣ* (№ 109); *пальскоѣ* (№ 109); *на тон грамотѣ* (№ 112); *ко сунки*; (№ 114); *а кирѣ на платѣ* (№ 115); *ко шадорѣ* (№ 118).

Таким образом, в грамотах XI в. смешение *ѣ* и *ѣ* не наблюдается. Ряд случаев такого смешения находим в грамотах XII в. и более поздних: а на месте *ѣ* выступает главным образом во флексиях (ударных и безударных)², преимущественно в грамоте № 92 (XIV в.). Случаи с написанием *ѣ* на месте этимологического *ѣ* единичны.

В грамотах находим несколько примеров с *и* на месте ожидаемого *ѣ*: *ѣ мыкулѣ* *кучици* (№ 93); *ѣн вѣмалѣ. ѣ. аналѣ* (№ 102); *сину* (№ 126); *в пудогѣ* (№ 131). Встретилось и *ѣ* вместо *и*: *дѣтѣ ѣн* (№ 98); *с ѣнѣ* (№ 131); *цѣлѣтѣ* (№ 135); *пѣцѣлѣ дѣтѣ ѣнѣ* (№ 135); *ѣ довоицаѣ ѣлѣсѣтѣ дѣтѣ* (№ 136). Здесь особенно показательны случаи с меньшей *ѣ* и *и* в ударном слоге³. Возможно, следует видеть *ѣ* вместо *ѣ* (а не вместо *ѣ* из *ѣ*) в примерах: *чѣлѣтѣ ѣнѣ* (№ 97); *ѣѣтѣ. ѣлѣтѣ.* (№ 102) (ср. *снѣтѣ* — № 94).

Приведенные примеры встретились в грамотах не ранее XIV в.; *и* на месте *ѣ* находим в конечном слоге не под ударением, между двумя мягкими согласными под ударением, после мягкого согласного перед твердым под ударением. В сходных условиях употреблено и *ѣ* на месте *и* (нет примера с *ѣ* на месте *и* после мягкого согласного перед твердым согласным). По-видимому, рассмотренные явления свидетельствуют об изменении *ѣ* в *и* после мягкого согласного не только перед мягким согласным, но — ко второй половине XIV в. — и перед твердым (*сину* — № 126 — рубеж XIV — XV вв.), в ударном и безударном положениях⁴.

Судьба глухих в рассматриваемых нами грамотах, среди которых А. В. Архонский восемь отнесены к XI в., одна — к рубежу XI — XII вв., одна — к началу XII в., а остальные — к XII — XV вв., дает мало материала для решения вопроса о хронологии большей части грамот. В грамотах мы находим как случаи употребления *ѣ* и *ѣ* в сильном и слабом положении, так и примеры без *ѣ* и *ѣ*, причем как в приставках, предлогах, суффиксах, так и в морфемах слов. Колебания особенно сильны в написаниях предлогов и приставок (написания с *ѣ*, без *ѣ*, с *ѣ* на месте *ѣ*). Следует, однако, отметить, что только один пример без *ѣ* встретился в ранней грамоте: *ствѣрѣ* (№ 87) — XII в. Отметим редкий для восточславянских памятников случай сохранения *ѣ* в частице *ѣгда*: *ѣгдаѣ* (№ 105)⁵, а также пример с *ѣ* в корне местоимения: *и ѣ ѣдѣ ѣмо ѣмо* (№ 87; обычно в этом местоимении в берестяных грамотах *ѣ* в слабом положении отсутствует)⁶. Следует особо отметить, что место-

¹ Здесь буква *ѣ* стоит после гласного. Как известно, судьба *ѣ* в начале слова и после гласных отличалась от судьбы *ѣ* после согласных. О сходных случаях см. Р. И. Аванесов, Фонетика. [Раздел в кн.: «Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот», М., 1955, стр. 88.

² О поразительной этимологической *ѣ* и *ѣ* в заударном конечном открытом слоге ср. Р. А. Аванесов, *указ. соч.*, стр. 90—91.

³ А. А. Шахматов, рассматривая как описки многочисленные случаи написания типа *дѣтѣ* в двинских грамотах XV в., в то же время указывает, что такая замена вызвана близостью звуков *ѣ* и *и* (см. А. А. Шахматов, *Исследования о двинских грамотах XV века*, СПб., 1903, стр. 68).

⁴ В таком случае была бы графическая мена *ѣ* и *ѣ*.

⁵ Ср. Р. И. Аванесов, *указ. соч.*, стр. 91—92.

⁶ В этом слове после *т* последовательно употребляется *ѣ* в Синодальном списке 1-й Новгородской летописи (в части, написанной вторым почерком) (см. Б. М. Ляпунов, *Исследование о языке Синодального списка 1-й Новгородской летописи*, вып. 1, СПб., 1899, стр. 38). Конечное *ѣ* вместо *ѣ* — графический прием, известный и другим древнерусским памятникам; см. замечания С. П. Обнорского относительно *ѣ* вместо *ѣ* в ноябрьской Минее 1097 г. (С. П. Обнорский, *Исследования о языке Миней за ноябрь 1097 года*, ИОРЯС АН СССР, т. XXIX (1924), Л., 1925, стр. 190—192).

⁷ Ср. показание второй половины ноябрьской Минее 1097, где *и* в сильном положении господствует форма без *ѣ* (С. П. Обнорский, *указ. соч.*, стр. 174—175), и сходные показания октябрьской Минее 1096 г. (В. А. Комарович, *Язык служебной октябрьской Минее 1096 года*, ИОРЯС АН СССР, т. XXX (1925), Л., 1926, стр. 34).

имение имеет основу с *z*, а не с. Кроме примера из грамоты Варлаама Хутынского монастырю после 1192 г. *чуху же ту землю*, до сего времени был отмечен только еще один случай с этой основой — в Синодальном списке 1-й Новгородской летописи: *чухъ полъ* (= *кльс полъ*)¹.

Этимологическое *ч* сохраниво в грамотах только в восьми случаях (четыре из них в грамоте № 109): *целюа* (№ 97); *пороучила* (№ 109); *чухочу* (№ 109); *ачи* (№ 109); *ничте жи* (№ 109); *преча* (№ 119); *чаде* (№ 125); *[поуч]чимъ* (№ 128). Единственный случай с *ч* на месте этимологического *ц* встретился в ранней грамоте (начала XII в.): *аквирича тихъ дѣла* (№ 105). Примеры сохранения этимологического *ц* (во втором и третьем примерах и употреблено в собственных именах неясного происхождения): на *лаци* (№ 92); в *микули кушени* (№ 93); *дѣца* (№ 97)²; *исполозиницоу* (№ 112); *те;лицоу* (№ 112); *са;мозерици* (№ 131); *са;мезерици* (№ 131) (суффикс -*ци*).

Большой материал дают грамоты на употребление *ц* на месте этимологического *ч*: на *стукени* (№ 92); *целюа* (№ 94); *оци;форовици* (№ 94); *о;каюцики* (№ 94); *нищма* (№ 94); *цто;ко* (№ 95); *микроваши* (№ 98); *цто* (№ 99); *цоловѣка* (№ 99); *гтораци* (№ 102); *целюа* (№ 102); *кушени* (№ 107); *цто* (№ 107); *гюрг;ванцоу* (№ 119); *зѣндаци* (№ 125); *цолокати* (№ 129); *цель* (№ 129); *оцицини* (№ 129); *цель* не *следила цого* (№ 129); *поцым* (№ 129); *цто* (№ 131, дважды); *платаци* (№ 131); *аллатаци* (№ 131); *целюкати* (№ 135); *цо* (№ 135, дважды); *ионци* (№ 135); *ицалеса* (№ 135); *деко;мъ;цуху* (№ 136)³. Значительный интерес представляют написания *цель* (№ 129) и *цо* (№ 135), где *цо* на месте *чо* (без частицы *то* на *че* (чь)). Грамоты, где встретились эти случаи, — поздние (№ 129 — рубеж XIV — XV вв.; № 135 — XV в.). Форма *цо* не засвидетельствована в исследованных до сего времени древнерусских памятниках, но употребляется в современных говорах поморской, или северной, группы (с мягким *ц*). Приведенные нами примеры позволяют говорить о совпадении в древнем новгородском диалекте *ч* и *ц* в одном звуке, близком к *ц*⁴, на мягкое качество которого указывают написания с *цю* в грамоте XIV в. (имю *оци;форовици* — № 94) и в грамоте на рубеже XIV — XV вв. (*зѣндаци* — № 125).

В формах 3-го лица ед. числа и 3-го лица мн. числа последовательно сохраняется *ь* после *т*: *виюти* (№ 94); *в;у;ни;ти* (№ 94); *продюти* (№ 97); *кѣти* (№ 102); *са;купити* (№ 104); *устати* (№ 118). Свидетельств отвердения конечного *т* нет. Пример из грамоты № 124 не может быть показателем: перед *са* мог быть опущен как *ь*, так и *ь*. Возможно, что в некоторых севернорусских говорах отверждение *т* произошло не в XIII в. (с конца XIII в. в севернорусских памятниках начинают встречаться формы с *ь* вместо *ь*), а значительно позже — в XV в.⁵

Березыными грамотами XIV и XV вв. засвидетельствовано в некоторых положениях изменение глухих согласных в звонкие и звонких — в глухие: *з;к;р;л;с;и;л* (№ 96); *з;д;о;р;о;к;и;н;и;л* (№ 104); *з;д;о;р;о;к* (№ 122); *з;д;ѣ;с* (№ 129); *п;о;л;о;т;р;и;т;н;а;д;ц;и;ц;и* (№ 130, с упрощением группы согласных); *з;к;р;л;ѣ;т;и;л* (№ 136).

Остановимся на некоторых наиболее интересных фактах из области морфологии. Отметим предварительно, что в рассматриваемых грамотах, кратких по содержанию, с большим количеством номинативных и неполных предложений, особенно велико соотношение именных и глагольных форм в пользу первых. В род. падеже ед. числа основ на -*а* твердого различия представлены как формы на -*и*, так и формы с -*ѣ*, образованные под влиянием основ на -*а* мягкого различия, что, как известно, привело к смешению формы род. падежа ед. числа и формы дат.-местн. падежей: *Ш;др;о;к;и* (№ 87, без переходного смягчения *к*); *а;в;и;р;ѣ; на;п;л;ат;ѣ* (№ 115); *Ш;м;л;и;н;ѣ;к* (№ 125); *к;и;п;у;ни;р;ѣ;к* (№ 133). Самый ранний случай — в грамоте № 87, относящейся к XII в. Следует отметить, что *ѣ* на месте *и* в род. падеже ед. числа находим уже в новгородских памятниках XI в. Отдельные случаи с *и* на месте *ѣ* в дательном и местном падежах объясняются фонетически (см. выше).

В двух встретившихся нам примерах с км.-вин. падежом дв. числа употреблены старинные формы с *ѣ*: *дѣ;к; гонѣ;т;ѣ;к* (№ 108); *в;ѣ;д;ѣ;л;ѣ;с;ѣ;м;а; . . .*; *в;г;о;нѣ;т;ѣ;к* (№ 119). Данные

¹ См. Б. М. Ляпуков, указ. соч., стр. 61, 73, 281.

² В Курашкевич полагает, что *дѣца* имеет значение «управляющий» или является производным и происходит от глагола *дѣяти* (см. W. Kuraszkievicz, указ. соч., стр. 92).

³ Мы принимаем во внимание и показания грамот №№ 99 и 131, написанных, по-видимому, иностранцем, так как видим в них в данном случае отражение господствовавшего в новгородском диалекте произношения.

⁴ Ср. также: В. И. Борковский, Новые находки берестяных грамот, ВД, 1953, № 4, стр. 128; Р. И. Аванесов, указ. соч., стр. 94—96.

⁵ Отметим, что в новгородских пергаменных грамотах XIII—XIV вв. встречаются формы только с *ь*, в двинских грамотах XV в. преобладают формы с *ч*. Ср.: А. А. Шахматов, указ. соч., стр. 95—96; его же, Исследование о языке новгородских грамот XIII и XIV века, «Исследования по русскому языку», т. I, СПб., 1885—1895, стр. 161.

новгородских грамот на пергамене свидетельствуют о том, что процесс падения форм дв. числа, начавшийся в конце XIII в., в течение длительного периода (конец XIII в. — первая половина XV в.) не захватывает имен существительных жовского рода¹.

В им.-вин. падеже мн. числа формы на -ѣ объясняются влиянием основ на а мягкого различия: *вѣзи... три на десѣте рѣзанѣ* (№ 84 — XIV в.); на *защѣ* д. *кѣлѣ* (№ 92 — XIV в.). Форма на -ѣ встретилась уже в берестяной грамоте XI в.; можно предположить, что указанный процесс осуществлялся одновременно с влиянием мягкого различия на твердое в формах род. падежа ед. числа, отразившимся уже в памятниках XI в. Заметим, что в новгородских грамотах на пергамене первые примеры встретились нам в грамоте до 1270 г.²

В грамотах наряду со случаями сохранения старых форм встретился и ряд случаев, отражающих влияние форм твердого различия на формы мягкого различия в род. и дат. падежах ед. числа: *оу господыни* (№ 84 — XI в.); *да коровѣа пшеници* (№ 136 — XIV в.).

Рядом с господствующими формами на -а в род. падеже ед. числа основ на -о, в грамотах XIV в. и рубежа XIV—XV вв. встречаем и формы на -у, возникшие под влиянием основ на -й: *цокѣ вси присладо косаку* (№ 129); *ли: локти водмеду* (№ 130); *промыи раду нѣту* (№ 131); *а во шукѣ ни ладѣтѣ ни довоу* (№ 131); *г.г.г. горсти лину* (№ 136); *давати... дачу .г. кунни* (№ 133). Среди отмеченных слов большинство имеет значение вещественности. Что касается форм *раду*, то, по мнению А. А. Шахматова, эта основа еще в общеславянском была, вероятно, основой на -й³. Слово *дарь*, встречающееся несколько раз и в берестяной грамоте № 1 (XIV в.), также имеет в род. падеже ед. числа *дарѣ*⁴.

В вин. падеже названия лиц имеют форму род. падежа: *за ездора* (№ 96 — XV в.); *посла мѣн поаѣтка* (№ 99 — XIV в.); *а пѣдана пошми во луку* (№ 134 — XIV в.). Пример с формой вин. падежа единственный: *пришати мн. парозоке* (№ 124 — рубеж XIV—XV вв.). Как нами уже отмечалось, в грамотах на пергамене XIV в. старые формы вин. падежа встречаются редко, в грамотах XV в. употребляются только формы род. падежа⁵. Однако в грамотах на бересте на раскопке 1952 г. дважды встретилась старая форма (от одного и того же слова): *принии оселдинѣ цѣвѣкѣ спрѣста* (№ 17 — XIV—XV в.); *прини мн. цѣвѣкѣтѣ на жерѣцѣтѣ* (№ 43 — XIV в.; не начало века). Характерно, что во всех случаях сохранения старой формы при существительном нет притяжательного местоимения, употребление которого, как известно, оказывает задерживающее влияние на замену формы вин. падежа формой род. падежа. Это позволяет считать, что на рубеже XIV—XV вв. в живом новгородском говоре еще сохранялись формы старого вин. падежа ед. числа названий лиц, возможно, после определенного круга управляющих глаголов.

Конструкция, предполагающая упреждение формы дв. числа (от основ на -о), встретилась только один раз: *дакъ сѣгда [д]ѣа лѣта* (№ 113); форма *[л]ѣа лѣа* вместо правильной *дѣѣтѣ лѣтѣ*, возможно, позволяет датировать грамоту не XII в., а XIII в. (не раньше конца века), поскольку первый случай, свидетельствующий о процессе падения в новгородском диалекте форм дв. числа (среднего рода), встретился в новгородской грамоте 1270 г.: *даю за всѣ за те два сѣла*. В род. падеже мн. числа находим формы, отражившие влияние основ на -й (старые формы не представлены): *вѣз ѣмѣнокѣ* (№ 96 — XV в.); *и гѣтѣоѣа, извѣдѣлюѣтѣ* (№ 128 — XIV в.); *и долговѣа, извѣдѣлюѣтѣ* (№ 128 — XIV в.); *давати оуслѣоѣа* (№ 136 — рубеж XIV—XV вв.).

Из форм основ на -о мягкого различия отметим образованную под влиянием основ на -й форму дат. падежа *моужѣи* (№ 109), старую форму вин. падежа ед. числа от названий одушевленных предметов — не лиц и лиц: *коѣ* (ѣ на месте ѣ) *коужѣи* (№ 109), *кѣнажѣ моужѣа кѣсѣдѣтѣ* (№ 109), формы местного падежа ед. числа, образованные под влиянием основ на -о твердого различия: *на защѣ* (№ 92); *на сѣлѣрѣжѣ* (№ 92).

Не останавливаясь на местоимениях, именах прилагательных, приведем некоторые формы глаголов. Во 2-м лице ед. числа настоящего времени в обоих встретившихся случаях окончание -ши: *коужѣи поит[ш]* (№ 107 — XII в.); *и доаѣоѣа, извѣдѣлюѣтѣ* (№ 128 — XIV в.). Если нами верно восстановлена часть текста этой грамоты, то здесь следует также отметить и пример (глагол стоит в буд. времени): *[коужѣа поау]чѣтѣ* (№ 128), где второе ѣ, по-видимому, на месте ѣ в результате графической мены ѣ и ѣ.

¹ См. В. И. Борковский, Синтаксис древнерусских грамот. (Простое предложение), Львов, 1949, стр. 44.

² У А. И. Соболевского приведены более поздние примеры (ср. А. И. Соболевский, Лекция по истории русского языка, 4-е изд., М., 1907, стр. 184).

³ См. А. А. Шахматов, Исследование о языке новгородских грамот..., стр. 200.

⁴ См. П. С. Кузнецов, Морфология. [Раздел в кн.: «Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот», стр. 107.

⁵ См. В. И. Борковский, указ. соч., стр. 369—370.

Окончание *-и* в форме *хцаши*, если грамота № 107 принадлежит XII в., свидетельствует в пользу мнения об окончании *-иш* как древнерусском, а не только древне-белорусском.

Наряду с формами 3-го лица ед. и мн. числа с *-ть* находим и формы без *-ть*, свойственные глаголам различных классов: *гѣм* (№ 97); *ѣ* (№ 109); *пещыи* (№ 129); *иѣ платѣ* (№ 99; грамота написана иностранцем)¹. Форма *ѣ* (3-е лицо ед. числа вспомогательного глагола) встречается в западнорусских памятниках, а также в живой белорусской речи². Отмечена она и в Новгородской граммологии XII в.³.

Господствующая в грамотах форма прошедшего времени — перфект (в 1-ом и 2-ом лице, как правило, в сочетании с формой настоящего времени вспомогательного глагола, в 3-ем лице — без вспомогательного глагола). Бесспорным случаем употребления аориста считаем следующий пример: *вѣзъмъши вѣда же прочь людѣмъ* (№ 119).

В примере, относимся к XIV в.: *ѣ доконцаху⁴ мыслѣтѣ дѣтѣ тѣмъ зъ краткѣ* (№ 136), мы видим аорист с окончанием имперфекта⁴. А. И. Соболевский выражает сомнение, по нашему мнению, вполне обоснованное, в том, что форма аориста на *-ху* существовала в живом говоре⁵.

Форма *доконцаху* встретилась в трафаретной формулировке, говорящей о законченном, ограниченном во времени действии. В грамотах на пергамене в сходных случаях от того же глагола *докончати*, имевшего, как мы полагаем, значение совершенного вида⁶, употреблены формы аориста⁷.

Представляют интерес встретившиеся случаи без *и* в окончании 2-го лица ед. числа повелительного наклонения (на его месте обычно *и*): *вѣжжѣ знѣмѣши* (№ 99—XIV в. грамота написана не русскими); *иѣ хѣдѣ ко шѣдѣ* (№ 118—XII в.); *иѣ заѣдѣ дѣмѣ ѡ пѣзѣтѣ* (№ 122—XV в.); *ѣ нѣмѣ ѡспѣдѣи пѣлѣи⁸ дѣтѣтѣ тѣмъ* (№ 135—XV в.). Можно думать, что в живой разговорной речи периода, представленного данными грамотами, нулевое окончание было распространено довольно широко. Форма *хѣдѣ* позволяет предположить для грамоты № 118 более позднюю датировку — XIII в.

В. И. Борковский

¹ Показательно, что формы без *-ть*, *-т* в глаголах различных классов отмечены в большом количестве пунктов территории, картографированной в «Атласе русских народных говоров северо-западных областей» (в частности, на территории бывшей Новгородской земли), сданном в печать Институтом языковедения АН СССР.

² См. Е. Ф. Карский, *Белорусы. Язык белорусского народа*, вып. 2—3, М., 1956, стр. 260.

³ См. E. Koschmieder, *Die ältesten Novgoroder Hirmologien-Fragmente*, Lief. 2, München, 1955, стр. 44.

⁴ Ср. А. И. Соболевский, *указ. соч.*, стр. 236.

⁵ Там же, стр. 237.

⁶ См. В. И. Борковский, *указ. соч.*, стр. 161.

⁷ См. там же, стр. 160—161.

⁸ Предполагаем, что *пѣлѣи* на месте *вѣлѣи* (графическое смешение *ѣ* и *в*).